

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

Н. ШТЕР

МИР ИЗ ЗНАНИЯ

Знание подрывает господство

Основы вырисовывающегося на горизонте общественного порядка зигзуются на знаниях. Сам факт происходящих ныне быстрых социальных перемен не нов. В прошлом также были периоды стремительных общественных трансформаций. Новыми представляются скорее ценностная значимость и движущая сила социальных, экономических и культурных изменений. Если знание не только является конститутивной особенностью современной экономики, но и становится организующим принципом всего общества, уместно назвать такую форму жизни «обществом знания». Это означает, прежде всего, что на основе знания мы обустроиваем всю нашу жизнь.

В 1950-е годы XX века немецкий социолог Хельмут Шельски пришел к пугающему выводу: применение электронных вычислительных машин ставит на повестку дня проблему тоталитарного общества. «Правительственная машина начинает требовать безусловного повиновения, так как она создает совершенное планирование на базе надежных предсказаний, — писал он. — Любая же оппозиция технически гарантированной истине неразумна». Полвека спустя американский предприниматель и футуролог Билл Джой высказывает опасения, что нанотехнология обретет самостоятельность и выйдет из-под контроля человека. Она и другие технологии будущего могут поставить человека под угрозу вымирания.

Своим пророчеством Шельски точно выразил дух времени середины прошлого века — и этот дух, как свидетельствуют предостережения Джоя, все еще жив. Ключ к разгадке этого феномена лежит в симптоматичной переоценке роли современной науки и техники. Парадокс заключается в том, что именно наука и техника являются главными источниками растущей неопределенности современных общественных отношений. Вопреки всем предсказаниям, эпоха господства таких могущественных социальных инсти-

---

Нико Штер (Niko Stehr) — профессор университета Альберты (Канада). **Электронная почта:** Nico.Stehr@gkss.de
Перевод выполнен с любезного разрешения журнала «Deutschland» (Frankfurter Societäts-Druckerei GmbH, 2001. No 1).

тутов, как государство, церковь, армия, приближается к концу. Образ действий их представителей заставляет усомниться в самой возможности овладеть общественными отношениями. Управление общественными процессами, их планирование и прогнозирование представляют собой все более трудную задачу. Общество становится как бы более «хрупким». Но ответственна за это вовсе не пресловутая «глобализация» и экономизация отношений, а утрата господства под давлением знания. Эпоха индустриального общества подходит к концу; способности и навыки, которые были нужны для обеспечения в нем социального порядка, сегодня теряют свое значение. Вырисовывающийся на горизонте общественный порядок базируется на знании.

Эпоха работников знания

Знание можно определить как «способность к действию», как возможность «что-то привести в движение». Научное или техническое знание — это, прежде всего, деятельностная способность. Особым статусом в современном обществе оно обязано не своей абсолютной истинности, объективности, бесспорности или адекватному отображению реальности, но тому, что эта форма знания перманентно, в большей мере, чем какая-либо другая, создает новые возможности действия, усваиваемые и используемые индивидами, фирмами и государствами.

В действительности добываемое наукой знание несколько хуже, чем о нем думают: довольно часто оно сомнительно, и, несмотря на все уважение, которое к нему испытывают люди в наше время, уязвимо и спорно. Именно поэтому оно время от времени утрачивает практическую ценность. Ученые-интерпретаторы должны сначала прийти к какому-то «выводу», и лишь потом новые теоретические знания становятся «практически действенными». Эту задачу — завершить научные исследования осмыслением результатов и сделать их «полезными» — выполняют в современном обществе «работники знания». Труд, основанный на знании, существовал и прежде; «эксперты» существовали всегда. Особенностью же нынешнего этапа является то, что число профессий, сопряженных с основанным на знании трудом, растет, в то время как доля рабочих мест, требующих ограниченных когнитивных навыков, стремительно сокращается. В результате все меньше людей заняты в сфере материального производства.

Форма жизни обществ знания

Развитие в направлении «хрупких» социальных систем — очевидное следствие несбалансированного расширения возможностей современного общества. Власть больших институтов все больше подрывается и ограничивается растущим потенциалом действия малых групп. Понятие «хрупкости» как показатель такого состояния — сигнал о том, что не только «управлять» обществом посредством якобы могущественных социальных институтов, но и предсказывать общественное развитие стало намного сложнее. Как объяснить это смещение в социальных и политических весах? В чем выражается такое развитие и каковы его вероятные последствия?

Причина этих социальных изменений заключается, на мой взгляд, в том, что наука сегодня — уже не только путь, открывающий доступ к тайнам мира, но одновременно ключ к ним. В науке и через нее зарождается новый

мир, в котором знание во всех областях и во все возрастающей мере становится основой и руководящим принципом человеческого действия. Иначе говоря, мы обустроиваем всю нашу жизнь на основе знания. Конечно, знание всегда играло важную роль в человеческой жизни; все связи между индивидами в принципе основаны на том, что люди друг о друге что-то знают. Господство никогда не опирается только на физическую силу — оно всегда предполагает превосходство в знании. И общественное воспроизводство не есть лишь физический процесс, оно всегда есть воспроизводство культуры, что означает воспроизводство знания.

В этом смысле общественные формации прошлого вполне можно рассматривать как прообразы или ранние формы «общества знания». Примеры тому — древнеизраильское общество, которое было структурировано религиозно-правовым знанием Торы, или древнеегипетское, где организующим принципом и основой господства служило религиозно-астрономическое и аграрное знание. Расцвет целых цивилизаций, например цивилизации ацтеков, римлян или китайцев, основывался в конечном счете на превосходстве их знаний и информационных технологий. Власть и господство уже в те далекие времена зависели не только от физического превосходства и к нему не сводились. Ибо знание — универсальное свойство человека. Отсюда ясно, что общества знания не являются результатом простого одномерного процесса общественных изменений. Они не формируются по какому-то одному образцу. Несмотря на то, что новейшие достижения в коммуникационной и транспортной технике способствовали сокращению былых дистанций между людьми, обособленность друг от друга регионов, городов и деревень в значительной степени сохраняется.

Да, мир становится все более открытым; намного интенсивней, чем прежде, циркулируют стили, товары и люди. Однако незримые стены между народами, базирующиеся на их вере в то, что «свято», еще довольно прочны. Значение времени и пространства меняется, но границы уважаются и оберегаются еще более ретиво. Очарованные глобализацией, мы тем не менее одержимы идентичностью и этничностью. Тенденция к «глобальной одновременности» событий сопровождается повышением чувствительности к территориальным проблемам и регионализацией конфликтов.

Социальная роль знания

До сих пор все усилия понять социальные функции современной науки и техники приводили в тупик. Аналитические исследования общественного развития, проводимые как с консервативных, так и с либеральных позиций, обычно заканчиваются мрачными пророчествами, заявлениями о подавляющем всесии науки и господстве технических артефактов. Это якобы приведет к уничтожению не только природного начала в человеке, его эмоциональной жизни, но даже его интеллекта и способности к свободному волеизъявлению. Новейшая философия истории подчеркивает скорее сужение, чем расширение потенциала развития в современном обществе.

Но тому, кто на самом деле хочет понять политические, социальные и экономические процессы нашего времени, следует избавиться от таких клише. Ибо как раз стремительно растущий потенциал способностей к действию, а не его исчезновение, радикально преобразует современные институ-

ты, порождая ощущение неподвижности общества. Коллективное недомогание и скованность действий — оборотная сторона неутомимой индивидуальной гонки в обществах знания.

Рост потенциала действий индивида — еще не гарантия удовлетворенности и счастья, как утверждают представители туристического бизнеса в связи с расширением возможностей в области коммуникаций и потребления. В философских, теологических, политических и социально-научных дискурсах индивид изображается скорее как незащитная «жертва» могущественных институтов. Люди не способны к действию якобы потому, что наука и техника чересчур успешны. Обычно приводят следующие доводы: развитие науки и техники ограничивает возможности индивида, способствует его изоляции, обнажает частную жизнь, усиливает чувство беспомощности.

Хрупкость общества

Вопреки этому можно показать, что процессы, связанные с распространением науки и техники и будто бы дающие такой плачевный эффект, на самом деле ведут к последствиям, прямо противоположным ограничению социального действия. В первую очередь бросается в глаза «хрупкость» социальных структур. Современные общества суть образования, которые отличаются, прежде всего, тем, что «сами производят» свои структуры, сами определяют свое будущее, — а стало быть, обладают способностью к саморазрушению. Правда, современные общества не потому хрупки и непрочны, что они — «либеральные демократии», а потому, что они «общества, основанные на знании». Демократический потенциал либеральных обществ возрастает только благодаря знанию.

Особенностью дискуссий о роли знания, информации и ремесленно-технических способностей в современном обществе является их односторонность. На первом плане в них часто стоит проблема отрыва индивида от специальных знаний и технической компетенции, превращения его в «жертву» — эксплуатируемого потребителя, отчужденного туриста, безвольного пациента, скучающего на уроке ученика или избирателя, ставшего объектом манипуляций. Так же увлеченно спорят о «репрессивном» потенциале знания и технических артефактов, особенно тогда, когда речь заходит о будто бы имеющем место тотальном контроле над обществом со стороны таких субъектов социального действия, как государство и индустрия.

Между тем прогнозы, по которым последние окончательно и бесповоротно должны утвердиться на своих властных позициях, не подтвердились. Дискуссия о социальной роли знания слишком долго находилась в плену классово-, профессио- и наукоцентричных способов видения, носители которых часто опасались возможной концентрации власти в руках одной из перечисленных общественных групп. Свободная от иллюзий оценка социальной роли знания должна привести к выводу, что распространение знания влечет за собой не только непредвидимые риски и неопределенности, но и создает «освобождающий потенциал действий».

Знание ведет к неопределенности

Это не означает, что повседневный контекст действий станет вдруг совершенно прозрачным, понятным каждому потребителю, пациенту или

школьнику, а тем более подвластным их контролю. Было бы ошибкой понимать расширение общественных возможностей действия как исключение рисков, несчастных случаев, произвола и вообще всех обстоятельств, на которые у отдельного человека мало возможностей как-то повлиять. Обратная сторона эмансипации за счет знания — риски, порождаемые эмансипаторным потенциалом знания.

Растущее распространение знания в обществе и связанный с ним рост возможностей действия влечет за собой также и социальную неопределенность. Наука не дает людям никаких истин — она может дать им только более или менее обоснованные гипотезы и вероятностные выводы. Вместо того чтобы быть источником достоверных знаний и уверенности, она в первую очередь является источником неуверенности и общественно-политических проблем. Поэтому для обществ знания завтрашнего дня будут характерны неопределенность, неожиданные попятные движения и всякого рода «сюрпризы». Растущая «хрупкость» обществ знания поставит новые моральные вопросы, в том числе вопрос о политической ответственности за столь часто повторяющуюся общественную стагнацию.

Если знание действительно становится конститутивной особенностью современного общества, то его производство, воспроизводство, распределение и применение неминуемо окажутся в центре политических дискуссий. Одной из важнейших тем ближайших десятилетий будет вопрос о наблюдении и контроле над знанием. Тем самым начнется интенсивное развитие нового политического поля — политики в области знания.

*Перевод с немецкого
кандидата философских наук А.Н. Малинкина*